

Е.А. Боровская

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА НА БИРЖЕ И ЕЕ ОСНОВАТЕЛИ — Е.Ф. КАНКРИН И К.Х. РЕЙССИГ

Сам факт организации в 1839 г. Санкт-Петербургской Рисовальной школы зафиксирован во многих трудах по истории русского искусства. Однако упоминания об этом факте часто остаются лишь упоминаниями, причем нередко сопровождаются многочисленными неточностями. Это связано не столько с недостаточным вниманием к историческому материалу, сколько с тем, что Рисовальная школа по организационным особенностям и системе художественно-педагогических задач в известной мере выделялась из того ряда художественных учебных заведений, которым искусствоведческая наука уделяла основное внимание.

Открытие в Петербурге специальной Рисовальной школы для вольноприходящих учеников связано с именами «русских немцев» — Е.Ф. Канкрин, тогдашнего министра финансов Российской империи, и К.Х. Рейссига, видного ученого, которого также следует назвать теоретиком и организатором художественного образования. Организации Рисовальной школы предшествовало появление нескольких учебных классов, возникновение которых также инициировали Канкрин и Рейссиг.

Именно Рейссыгом была разработана программа «графических занятий» для основанного в 1828 г. (под покровительством Канкрин) Санкт-Петербургского практического Технологического института, в соответствии с которой студенты не только обучались черчению и техническому рисованию, но и получали навыки в области рисования как художественной дисциплины. В 1832 г. при деятельном участии Рейссига «в виде опыта» при Технологическом институте были открыты особые публичные классы рисования и черчения

(по воскресным и праздничным дням). А в 1835 г. Рейссиг организовал и возглавил Воскресную Рисовальную школу при Технологическом институте «для бесплатного обучения вольноприходящих учеников рисованию, черчению и леплению».

Успех публичных классов, а затем и Воскресной школы заставил устроителей задуматься над новым, более масштабным начинанием — самостоятельной Рисовальной школой для вольноприходящих учеников.

Рисовальная школа была во многом новаторским начинанием. Вместе с тем ее основатели не стремились подчеркнуть оригинальность организационной и педагогической концепции. Напротив, во всех официальных документах они позиционировали школу как одно из обычных «практических» учебных заведений, которые в те годы множились в России. В этих условиях формулировка «поднятие и развитие вкуса среди рабочих масс» (а именно так обозначалась задача школы) обосновывала организационную принадлежность учебного заведения Министерству финансов по Департаменту мануфактур и внутренней торговли.

В первые десятилетия своей работы Школа располагалась в помещениях таможенного комитета на Бирже и под своим неофициальным названием «Школа на Бирже» завоевала широкую общественную известность и авторитет в художественных кругах. Но даже после переезда Школы со стрелки Васильевского острова прежнее неофициальное название еще довольно долго сопровождало это учебное заведение, прочно укоренившись в памяти художественного Петербурга.

Основателем Школы, безусловно, следует назвать Корнилия Христиановича Рейссига — человека незаурядного и, к сожалению, недооцененного в истории отечественной культуры. Кроме того, необходимо отметить роль, которую сыграл в создании школы тогдашний российский министр финансов граф Егор Францевич Канкрин.

Итак, фактическую сторону дела с организацией Рисовальной школы можно представить следующим образом. 1 июля 1839 г. Рейссиг подал в Министерство финансов записку об открытии в Санкт-Петербурге Рисовальной школы для вольноприходящих. Школа, по замыслу Рейссига, должна была стать первой в сети художественно-промышленных учебных заведений, которые планировалось открыть во многих промышленных городах России. Обращение в Министерство финансов, а не в какое-либо иное ведомство, совершенно естественно. Во-первых, рисовальные классы при Технологическом ин-

ституте находились, выражаясь современным языком, «на балансе» этого министерства. Во-вторых, новую рисовальную школу можно было охарактеризовать как художественно-промышленное учебное заведение, что предполагало в те годы подчиненность школы именно финансовому ведомству (его департаменту мануфактур и внутренней торговли). В-третьих, с Министерством финансов Рейссиг был связан по многим направлениям своей деятельности.

К середине 1830-х годов Рейссиг пользовался значительным авторитетом в научных и деловых кругах: он имел чин действительного статского советника; не оставлял должности директора Военно-топографического депо, был членом Мануфактурного совета при департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, Технического комитета Технологического института. Научные заслуги Рейссига были признаны в России и за границей, успех рисовальных классов при Технологическом институте был известен в Петербурге. Так что Рейссиг, разумеется, не был одним из многочисленных прожектеров у «парадного подъезда» русской бюрократии и, безусловно, мог рассчитывать на то, что его предложение об открытии Рисовальной школы для вольноприходящих будет своевременно и благожелательно рассмотрено. Однако быстрота рассмотрения проекта может показаться удивительной: записка Рейссига об открытии школы была подана в Министерство финансов 1 июля 1839 г., а 29 сентября Николай I подписал «Положение» о школе и ее штате; эти документы были утверждены и опубликованы Сенатом 31 октября. Столь стремительное решение непростого вопроса объясняется не только тем, что проект был разработан Рейссыгом весьма детально (хотя это существенно), но и поддержкой инициативы Рейссига со стороны Канкрина.

Имя Е.Ф. Канкрина достаточно хорошо известно, но встречается прежде всего в трудах по истории и экономике России, так как он был одной из самых влиятельных фигур общественно-политической жизни страны первой половины XIX в. Оценка его деятельности различными исследователями колеблется от восторженно-комплиментарной до негативной — это зависит прежде всего от позиции самого исследователя.

С одной стороны, он был легендарно скуп, не соответствовал принятым тогда представлениям о светском вельможе, был, безусловно, хитер и резок в суждениях. Николай I заметил как-то, что Канкрин — один из немногих, кто постоянно отвечал: «Нет, Ваше Величество, никак нельзя» на любое его предложение о дополнительных расходах

государственных средств. С другой стороны, он был инициатором многих экономически и социально значимых начинаний, рациональным финансистом, автором записки об освобождении крестьян. В нашу задачу не входит взвешивать на весах исторической справедливости (а существуют ли такие?) те или иные деяния Е.Ф. Канкрин. Для истории возникновения и организации Рисовальной школы в Петербурге роль Канкрин не просто значительна, его поддержка начинаний Рейссига во многом определила события первых лет существования Школы на Бирже.

Следует отметить, что в бытность Канкрин министром открылся целый ряд учебных заведений, таких как Строительное училище в Петербурге (затем Институт гражданских инженеров), Константиновский межевой институт, Земледельческий институт, Практическое учебное заведение в Дерпте, Ремесленное училище при Воспитательном доме в Москве и др. Характерно, что Канкрин при всей его скупости на бюджетные траты всегда находил средства для поддержки образования, в частности изыскивал дополнительные возможности для финансирования учебных заведений.

Имеющиеся довольно подробные сведения о Канкрине показывают нам человека с широким кругом интересов, не чуждого искусству, прежде всего изящной словесности: Канкрин писал по-немецки стихи, он автор забытых ныне романа и книги рассказов и повестей; увлекался он и музыкой и был неплохим скрипачом-любителем. Имеются сведения и об интересе Канкрин к архитектуре и строительству, устройству садово-парковых ландшафтов. Надо заметить, что подобного рода «интерес» был вполне характерен для образованного русского общества, а внимание министра финансов к архитектуре и строительству, особенно к крупным постройкам, пожалуй, не сводится только к эстетическому чувству. Впрочем, перу Канкрин принадлежит дилетантское сочинение «Элементы прекрасного в зодчестве». Можно встретить упоминания и об увлечении министра изобразительным искусством, однако лишь в ряду упоминаний о других интересах. Разумеется, министр понимал важность развития образования, особенно технического (Технологический институт в известной мере — детище Канкрин, который даже участвовал в разработке эскизного проекта главного корпуса), и признавал практическое значение искусства рисования «для мануфактур и ремесел».

Однако один из существеннейших аспектов проекта Рейссига, связанный с Рисовальной школой как организационным и методиче-

ским центром сети подобных школ, которые планировалось открыть в «мануфактурных городах» России, не был осуществлен, и возможность создания системы художественно-промышленного образования в России была упущена на довольно значительный срок. Едва ли в случае полной поддержки со стороны Канкриня могло произойти такое серьезное отклонение от первоначального замысла, тем более что, по расчетам Рейссига, финансовые затраты требовались скромные. Таким образом, не приходится говорить о понимании министром финансов значимости и масштаба замысла Рейссига или, во всяком случае, о полной и деятельной поддержке проекта.

Скорее, имеет смысл упомянуть о личной благосклонности Канкриня к Рейссигу. Покровительство вышестоящих — главный механизм успешной карьеры в России. Сам Канкрин продвижением по службе обязан не только действительно замечательным своим способностям, трудолюбию и аккуратности, но и протекции, которую ему составили поначалу немецкие генералы из окружения Александра I, а затем всесильный граф А. Аракчеев.

Здесь необходимо несколько уточнений. В какой мере министр оказывал покровительство самому начинанию, а в какой — инициатору этого начинания? Канкрин оказывал поддержку Рейссигу с момента прибытия последнего в Россию в 1810 г. По-видимому, Канкрин был даже одним из инициаторов приглашения Рейссига. Выбор был, безусловно, удачен. Однако откуда Канкрину мог быть известен Рейссиг? Возможно, приглашению предшествовали консультации со специалистами. Но более вероятным представляется, что решающим фактором был следующий: сам Канкрин родом из княжества Гессен-Кассель, он, скорее всего, был знаком с семьей Рейссига, поэтому и выбор был в известной мере предопределен. Отец Канкриня был в Гессен-Касселе видным инженером, а отец Рейссига — инспектором Математического кабинета; знакомство более чем вероятно. Возможно, между семьями существовали и родственные связи. Заметим, что мы не ставим под сомнение ни заслуг Канкриня, ни тем более заслуг Рейссига на служебном поприще. Взаимоотношения этих людей — характерная черта своего времени и российской действительности. Но одновременно это еще один аргумент в пользу нашего предположения, что проект Рейссига хотя и пользовался поддержкой министра, но едва ли бы в полной мере понят.

Опыты Рейссига по организации рисовальных классов при Технологическом институте не требовали ни особых финансовых расходов,

ни дополнительных забот Канкрина. Рисовальная школа также обещала быть предприятием не слишком хлопотным для министра. Помещения в здании Биржи, находившиеся в ведении таможенного департамента Министерства финансов, по преимуществу пустовали и вполне могли вместить школу; расходы должны были покрываться за счет «штрафного капитала с неисправных поставщиков сукон», который предназначался «на разные полезные по мануфактурной части издержки». Средств от «штрафного капитала» и иных средств Министерства финансов хватило бы на несколько школ. Но Канкрин мог усмотреть в организации развитой сети художественно-промышленных учебных заведений повод для потенциального конфликта с министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, который как раз в этот период занимался созданием реальных училищ. Канкрин мог также опасаться, что подобная сеть может выйти из-под непосредственного контроля министерства и стать почвой для столь типичных в России злоупотреблений. Школа в столице под руководством имевшего соответствующий опыт и безукоризненную репутацию Рейссига вполне устраивала министра; сеть подобных школ рассматривалась как потенциально полезная, но ее создание откладывалось на неопределенный срок.

Рейссиг отнесся к сложившейся ситуации с пониманием и, получив формальное предложение от Канкрина стать попечителем Школы, занялся ее руководством (при этом он не оставлял и руководство классами при Технологическом институте), справедливо полагая, что успех школы в Санкт-Петербурге может рано или поздно послужить распространению художественно-технического образования по всей России. А этой идее Рейссиг оставался по-прежнему привержен, демонстрируя более глубокое, нежели Канкрин, понимание стоявших перед художественным образованием (и в целом перед искусством) задач, причем именно в связи с экономической ситуацией и насущными хозяйственными потребностями России.

Годом создания Школы справедливо считается 1839-й. Но открылась школа в следующем, 1840 г., 26 мая, «в присутствии 110 учеников». Любопытным представляется способ оповещения об открытии школы и приглашения учащихся: Министерство финансов направило городскому голове несколько экземпляров напечатанных на русском и немецком языке объявлений об открытии школы для рассылки в ремесленные управы (соответственно русскую и немецкую), которые, в свою очередь, должны были предложить ремесленникам посылать

в школу учеников и подмастерьев. До конца 1840 г. «всего записалось 285 человек <...> в возрасте от 10 до 24 и даже 37 лет, самых разных сословий» (мастеровые, купцы, крестьяне, чиновники, военные, почетные граждане, моряки).

Уже с осени 1839 г. школа, не без помощи со стороны Канкрина, начала пополняться оригиналами и пособиями: была приобретена коллекция изделий из слоновой кости от генерал-майора Ризенкампа, а в 1840 г. из Горного института школе было безвозмездно передано 58 картин. Эти коллекции дополнили первоначальный учебный фонд, насчитывающий 2000 оригиналов и 240 гипсов. Весною 1840 г. был проведен ремонт предназначавшихся для школы помещений. Таким образом, при всей скромности бюджета была создана необходимая и на первых порах достаточная материальная база для работы школы.

Остановимся на двух начинаниях Рейссига, относящихся к первым годам существования Школы и весьма характерных с точки зрения их ориентированности на насущные задачи художественной и общественной практики: открытие класса гальванопластики и женских рисовальных классов.

Класс гальванопластики, как представляется сегодня, явился своего рода техническим воплощением просветительской идеи единства научного и художественного познания мира. Характерно, что изобретатель гальванотехники академик Б.С. Якоби в найденном им методе электроосаждения металлов усмотрел возможности для использования прежде всего в художественных работах. Изобретение Якоби нашло применение в государственных масштабах, причем очень быстро: в 1839 г. в Экспедиции заготовления государственных бумаг была открыта гальванопластическая мастерская для приготовления матричных стереотипов, которые в техническом отношении обеспечили быструю реализацию «денежной реформы Канкрина» — выпуск новых депозитных билетов, что послужило унификации денежного обращения (серебра и ассигнаций).

Гальванопластическое отделение в Рисовальной школе было открыто уже в 1842 г. (соответствующая записка Канкрина Николаю I была подана в мае). Еще до утверждения царем этого начинания Рейссиг начал подготовку к открытию класса гальванопластики и предложил руководить классом Ф.К. Вернеру и скульптору барону П.К. Клодту. Последний фактически не преподавал в гальванопластическом отделении, но даже формальное участие Клодта в деятельности шко-

лы было весьма важным. Руководство классом гальванопластики принял на себя Фердинанд Карлович Вернер, купец, человек широкого круга интересов, в том числе художественных и научных, который увлекся идеями Якоби и в начале 1840-х годов издал собственную брошюру (на немецком и польском языках) по практическому применению гальванопластики.

Совершенно справедливо считается, что в распространении гальванопластики в России огромная роль принадлежит Канкрину. Вместе с тем открытие гальванопластического отделения в Рисовальной школе — это заслуга не только Канкринина, но и не в меньшей мере Рейссига. Вполне вероятно даже, что именно Рейссиг мог обратить особое внимание Канкринина на открытие Якоби. Во всяком случае, осведомленность в сфере науки и техники, участие в работе Академии наук (в качестве члена-корреспондента) и руководство Военно-топографическим депо не могли позволить Рейссигу пройти мимо нового метода.

Если гальванопластическое отделение можно охарактеризовать как по преимуществу ремесленное, то открытие женских классов школы — это, безусловно, важный факт истории отечественного искусства и важное явление социальной жизни своего времени. Прежде всего необходимо было добиваться если не образовательного равенства, то хотя бы доступа женщин к полноценному профессиональному художественному образованию, пусть и в ограниченных масштабах. Доклад Канкринина об устройстве женского отделения при Рисовальной школе для вольноприходящих был подан Николаю I одновременно с докладом об открытии класса гальванопластики в мае 1842 г.

Весьма любопытен в докладе аргумент, что Школа на Бирже может служить обучению женщин «не только как самостоятельных работниц, но и как будущих помощниц и воспитательниц мужчин в качестве их жен и матерей». Подобная формулировка, как представляется, вполне согласовывалась с взглядами царя на женское образование и «женский вопрос», и Николай I на докладе Канкринина написал, что назначает свою дочь великую княгиню Марию Николаевну патронесой женского отделения Рисовальной школы. Можно вполне определенно утверждать, что, как и в случае с отделением гальванопластики, инициатива Рейссига была не менее значимой, нежели инициатива Канкринина; практическое же создание женских классов полностью обеспечил попечитель Школы.

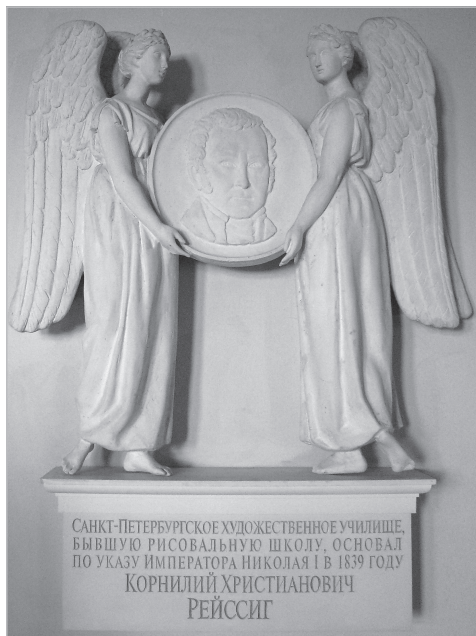
Е.Ф. Канкрин (1774—1845)

К.Х. Рейссиг (1781—1860)

Рейссиг К.Х. Атлас звездного неба. Фрагмент

Памятная доска К.Х.Рейссига в Санкт-Петербургском художественном училище им.Н.К.Рериха

С уходом Канкринна с поста министра финансов (конец 1844 г.) и последовавшей затем его смертью (9 сентября 1845 г.) руководители министерства уделяли все меньшее внимание Рисовальной школе и оказывали ей все меньшую поддержку.

Вместе с тем положение Рисовальной школы оказалось к середине 1850-х годов весьма непростым. Попытки Рейссига расширить деятельность Школы не встречали понимания со стороны финансового ведомства, как в бытность Канкринна министром. Следует отметить, что сложность положения Школы, по-видимому, была обусловлена не только косностью и ограниченностью взглядов преемников Канкринна на посту министра, но и изменением общехудожественной ситуации, а также общественными переменами в России, связанными с завершением николаевской эпохи. Однако при всем недоброжелательстве министерства Рейссигу удалось сохранить Школу до конца 1857 г. — в течение 13 лет после отставки Канкринна и 12 лет после его смерти. В январе 1858 г. Школа перешла из ведомственного подчинения министерству финансов под покровительство Общества поощрения художников и благополучно продолжила свою работу.

К.Х. Рейссиг был отстранен от руководства и вскоре умер. Он был погребен на Волковом лютеранском кладбище, возле могилы сына, офицера Семеновского полка. В 1998 г. была открыта мемориальная доска в честь Рейссига в Санкт-Петербургском художественном училище имени Н.К.Рериха — учебном заведении, в которое после целого ряда реорганизаций была преобразована Рисовальная школа для вольноприходящих.

Библиография

1. Боровская Е.А. К.Х. Рейссиг — попечитель Петербургских рисовальных школ (тридцатые — пятидесятые годы XIX в.) // Проблемы развития отечественного искусства. Научные труды. Вып. 8. СПб., 2009. С. 75–89.
2. Макаренко Н.Е. Школа Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. Очерк, составленный по поручению Комитета Императорского Общества поощрения художеств. Пг., 1914.
3. Молева Н., Белютин Э. Русская художественная школа первой половины XIX века. М., 1963.
4. Рейссиг К.Х. Об изучении искусства рисования и применении оногo к ремеслам, для учителей и учеников Рисовальной школы для вольноприходящих в С.-Петербурге. СПб., 1840.
5. Собко Н.П. Краткий очерк Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1889. СПб., 1889.